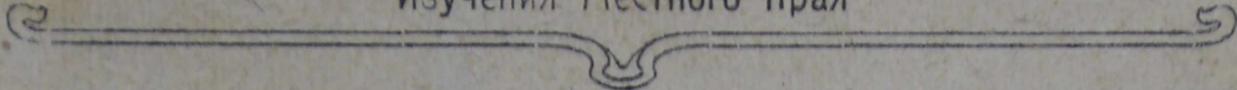

915 (С111)

М-34

Тагильский Музей Краеведения и Тагильское Общество
Изучения Местного Края

915.1

М34

МАТЕРИАЛЫ

ПО ИЗУЧЕНИЮ ТАГИЛЬСКОГО ОКРУГА

Редакция: Ф. К. Францев и А. Н. Слобцов

ВЫПУСК 3
ПОЛУТОМ 1.

ТАГИЛ
1929

515 (С. П.)
М-34

КНИГ
С. П. Григорьева

Тагильский Музей Краеведения и Тагильское Общество
Изучения Местного Края

МЗУ

МАТЕРИАЛЫ

ПО ИЗУЧЕНИЮ ТАГИЛЬСКОГО

ОКРУГА

Редакция: Ф.К. Францев и А. Н. Словцов

ВЫПУСК 3
ПОЛУТОМ I

ПРОВЕРЕНО

2
БИБЛИОТЕКА
И. М. С.
Иванов 1966

ТАГИЛ
1929

7 319-74(2) 121(С111)

Тагил. Гостипография. Заказ № 3548. 1929 г. Тираж 700 экз. Окрит № 3727

Горбуновский торфяник

Предварительный очерк археологических работ 1926-28 г.

Как древние греки, имевшие торговые сношения с обитателями южнорусских степей, так и новгородцы, расширявшие сферу своего влияния на Восток, населили в своих рассказах область Урала народами, описание внешности и обычаев которых представляет удивительную смесь достоверных и фантастических данных. В настоящее время интересны не эти рассказы, а то, что с незапамятной древности внимание активных элементов европейского населения останавливалось на Урале. Протек ряд столетий, и Урал начал раскрывать свои тайны.

Насущная потребность в металлах и минералах толкала предприимчивых исследователей к поискам их; богатства Урала, не изученные в полной мере и до сих пор, обеспечили ему выдающееся положение среди других областей Союза Республик и сулят не менее славное будущее. Однако, кроме этих очевидных сокровищ, есть еще и другие: это—памятники материальной культуры прошлого, вещественные остатки того опыта, который сперва единичный человек, а позже целые общества накапливали из столетия в столетие, устраивая свое благополучие и бросая старые, изжитые формы труда, производства, меняя и самый облик жизни на другой, более отвечающий потребностям сменяющихся поколений. Историк отлично знает, что как бы добросовестно ни была составлена летопись или другой исторический документ,—он никогда не вскроет основные стороны жизни, отделенной от нас рядом веков; памятники материальной культуры не только пополняют скудные литературные данные, но иногда призваны и замещать их. Исследуя остатки жилищ, орудия промыслов и производств, оружие, утварь, украшения и культовые памятники, археолог получает возможность определить культурный уровень общества, выяснить, насколько данная группа умела извлекать выгоду из возможностей, представленных ей природой и, правда, в редких случаях, наметить социальную структуру общества. Проводя исследования еще глубже, можно убедиться, что продукты деятельности человеческого разума и его рук, т. е. всевозможные орудия, оружие, украшение и т. п., подчинены всеобщему закону эволюции. Как ни одно растение или животное не могут возникнуть из ничего, так и всякое орудие или предмет быта должен иметь предшественника, и степень близости с ним зависит от сходства или различия условий общей культуры. Таким образом, и постепенное развитие древнейших человеческих обществ и разнообразных памятников первобытной материальной культуры археология должна иллюстрировать, сопоставляя друг с другом вещественные остатки деятельности человека минувших эпох. Конечно, в распоряжении исследователя должен быть материал, если

не исчерпывающий все стороны жизни исчезнувших и забытых поколений (это, по существу, невозможное требование), то устанавливающий ряд степеней культуры, последовательно сменявших друг друга на достаточно обширной территории. Археологические памятники Урала и Приуралья, собранные в местных и центральных музеях, при условиях, иногда очень далеких от научной объективности, говорят о том, что древнее население Урала умело извлекать выгоды из природных богатств его, и обладало крепкой самобытной культурой, способной к восприятию и претворению иноземных форм, применяя их к условиям данного места.

К сожалению, археологические памятники Урала до последнего времени изучались, в большинстве, не систематически, а лишь путем случайных обследований. Только при советском строе, с величайшим вниманием относящемся к вопросам культурного порядка, явилась возможность систематических, планомерных научных исследований и ежегодно осуществлять экспедиции археологов-специалистов, собирающих материалы по древней культуре края. Особенное значение в этом ряду исследований приобретает работа на Горбуновском торфянике, работа, ведущаяся уже четвертый год, благодаря материальной поддержке и общему благожелательному отношению Тагильского Окружного Исполнительного Комитета, ежегодно отпускающего средства на работу.

Двадцать лет тому назад в „Записках Уральск. О. Л. Е.“ появилась статья М. О. Клера, в которой автор изложил результаты своей поездки на Горбуновский торфяник для осмотра открытого рабочими свайного сооружения с остатками шалаша. Несмотря на то, что находки отдельных предметов случались и раньше и позже этого обследования—Горбуновский торфяник не привлек активного и длительного внимания исследователей, если не считать очевидно небольших раскопок А. И. Колмогорова, командированного в 1909 году Моск. О-вом ЛЕДиЭ. Суммируя заключения обоих исследователей, можно наметить следующие положения: на месте теперешнего болота некогда находилось проточное озеро; в его северо-восточном углу в расстоянии до 300 метров от ближайшего берега и почти параллельно ему тянулся помост на сваях, вбитых в илистое дно озера; на этой слани, указанной рабочими в трех разрезах, располагались шалаша, заключавшие остатки сосудов (в одном случае—целый) и кремневые орудия. Процесс торфообразования превратил озеро в болото и скрыл мостки под поверхностью последнего, но человек не оставил это место, избрав его под поселок, о чем свидетельствует углистая окраска торфа, покрывающего «слань» и находки над нею черепков сосудов и орудий из местных горных пород. Слой торфа продолжал расти, и новое заболачивание торфяника вынудило население покинуть стоянку; спустя некоторый промежуток времени, благодаря наступлению более сухого периода, на болоте появился лес, от которого сохранился слой пней и относительно немногочисленных поваленных стволов,—лес, видимо, погиб от пожара; вновь увеличившаяся влажность климата вызвала вторичный период торфообразования, который и продолжается до последнего времени. Оба исследователя подчеркивают чрезвычайную трудность работы, благодаря обилию воды в годы осмотра болота, что и придало значительную роль опросу служащих и рабочих о характере сооружений, открывавшихся в различных пунктах болота;

трудно представить более неблагоприятные условия для освещения археологического памятника, не имеющего аналогий среди научно-обследованных русских древностей. Последующие годы не внесли ничего нового в познание остатков старины на Горбуновском болоте; конечно, объяснить это можно только богатством Урала археологическими памятниками и малочисленностью местных исследователей; мало изменились и условия работы, так как обилие воды по-прежнему зачастую сводит к нулю всю длительную и тяжелую работу по расчистке культурного слоя.

Когда Уральская экспедиция Государственного Исторического Музея включила в план работ 1926 года археологические разведки, мною было предложено произвести обследование Горбуновского торфяника для выяснения характера свайного сооружения на болоте и основных черт культуры населения, оставившего этот необычный для Союза Республик памятник. Благодаря указанию заведующего торфяником Герасима Агаповича Заикина первой же выемкой удалось напасть на пятно культурного слоя у борта четвертого (теперь—шестого) „разреза“ с огромным количеством керамических остатков, каменными орудиями и обломками деревянных изделий. Тогда же был вскрыт небольшой островок торфа в самом „разрезе“, давший чрезвычайно интересный пример слани; попытка открыть слань на соседнем третьем (пятом) „разрезе“ положительных результатов не дала. Ничтожные размеры площади, вскрытой в 1926 году, заставили относиться к добытому материалу с большой осторожностью и препятствовали созданию каких-либо заключений. Одно представлялось несомненным: памятник не мог относиться к каменному периоду: об этом говорила, главным образом, затеска свай, произведенная сильными ударами какого то острого орудия; эту обработку „точно топором“ отмечает и М. О. Клер в своей статье. Конечно, подобное заключение было далеко недостаточным, чтобы дать памятнику определенное место в цепи изученных, тем более, что в процессе разведок встал ряд вопросов, решить которые могли только раскопки, да и то при условии раскрытия значительной площади. Поэтому в следующем 1927 году Гос. Исторический Музей организовал экспедицию для обследования памятников Горбуновского торфяника, на этот раз совместно с Тагильским Окружным Музеем. *) Работа на торфянике производилась у места разведок предшествующего года и обнажила площадь около 200 кв. м.; приблизительно столько же вскрыто на восточном берегу торфяника, где экспедиция обнаружила остатки стоянки. Траншеи, проложенные на болоте, открыли следы свайных сооружений в таком состоянии, что несмотря на величину площади они освещали условия быта в меньшей степени, чем островок, раскопанный в 1926 году, и только подкрепили новую гипотезу о значении памятника. Однако, чрезвычайный интерес найденных предметов—посуды и идолов из дерева (частью в фрагментарном состоянии) вновь подтвердил необходимость продолжения раскопок и удачный выбор места. Материальные затруднения Г. И. М. свели его участие в раскопках 1928 года к откомандированию меня на работу, ведение которой легло целиком на Н.-Тагильский музей**. Ограниченность средств заставила отказаться от намеченных широких рекогносцировочных работ, и несколько траншей были проложены по периферии ранее вскрытой площади. Надежда встретить продолжение „сла

*) От ГИМ в нее вошли Д. Н. Эдинг и Л. А. Ертюхова.

***) Последний командировал для участия в работе зав. культ.-ист. отд. М. А. Зылеву.

ни" оказалась тщетной; торф не окрашенный посторонними примесями в большинстве пунктов указывал, что открытые в предшествующие годы остатки сооружения, отчасти уничтоженного четвертым „разрезом“, составляли отдельное «культурное пятно»; судя по некоторым признакам последние участки раскопок 1928 года вскрыли часть другого пятна. Очевидный успех работ выразился в находках нескольких предметов исключительного интереса.

Делая самую общую сводку результатов, добытых трехлетними работами, приходится констатировать некоторую неполноту, пробелы, которые пока надо заполнять более или менее обоснованными предположениями. Было бы не совсем серьезно требовать от археологического памятника исчерпывающих ответов на основные вопросы о характере культуры, ее происхождении и т. п. в области почти совершенно не подвергавшейся археологическому обследованию, имея в качестве аналогий только случайно найденные предметы и вскрыв ничтожными участками часть разрушившегося сооружения. Тем не менее трехлетние работы накопили известное количество наблюдений и дали вещественный материал, освещающий некоторые стороны культурной жизни населения, благодаря чему получается если и не законченная картина быта, то набросок, дополнить или изменить который должны последующие раскопки.

Горбуновский торфяник занимает дно долины, вытянутой в направлении Ю-В—С-З; форма его неправильно-овальная, длина достигает 3,65 кил., а наибольшая ширина в средней части 1,85 кил.; ю.-в. берег имеет довольно большой залив, в широкой части которого находятся два острова; восточный берег торфяника, постепенно повышаясь, только на небольшом протяжении имеет выходы основных пород и обычно является в виде пологих склонов, мягко круглящихся бугров и ложбин. В более крутом западном берегу сильнее чувствуется близость неразрушенной горной породы и далеко нередки заболоченные участки почвы значительно выше уровня торфяника. В северном конце болота „капитальная“ канава, идущая через весь торфяник, соединяется с ручьем Чашихой, которым и выносятся влага со всей водосборной площади.

Как уже указывалось М. О. Клер, котловина торфяника представляла первоначально озеро, в жизни которого только однажды был период, отмеченный энергичной работой береговых потоков, нанесших в озеро метровую толщу окатанных галек. В общем же, будучи сначала бассейном с проточной водой и медленным течением, оно постепенно заилялось, продукты разрушения организмов, выполняя преимущественно наиболее глубокую среднюю часть образовали слой сапропелевого ила („салки“), после чего начался процесс зарастания дна и образования торфяного слоя. Шурф на островке шестого разреза открыл слань—дорожку из тонких жердей, под которой только на некотором расстоянии друг от друга располагались в поперечном направлении крупные ветви; подо всем этим лежал слой торфа со строигельным мусором (в верхней части) мощностью 0,20 м.—факт, говорящий за сооружение слани по болоту, а не по свободному водному пространству; вторым подтверждением является открытый вблизи пеня.

В небольшом расстоянии от «слани» были обнаружены остатки двух свай 0,12 и 0,13 м. диаметром; одну из них удалось извлечь из вязкой салки, в которой она была забита почти на 1,70 м.

Не следует забывать того, что салка, относительно плотная

теперь, была значительно более рыхлой в период своего образования, и сваи погруженные в нее вряд ли могли служить опорой для какого либо сооружения; гораздо легче представить его на болоте с уплотнившимся слоем сапрепелевого ила, покрытого торфом.

Если не считать рукоятки весла, найденной непосредственно под сланью, торф, пограничный с салкой, и эта последняя не содержали остатков, свидетельствующих о деятельности человека.

В соответствии с этим и на всей остальной раскопанной площади, когда представлялась возможность углубиться в салку, находки совершенно прекращались; только однажды был обнаружен в ней черепок; деревянный идол был погружен в нее верхней частью; изредка попадались мелкие головешки. Относительно редко встречались предметы (большей частью деревянные) в торфе, непосредственно прилегающем к салке; там были обнаружены голова идола, полоз и некоторые другие предметы. Торф этого слоя в первое время по обнаружении имеет табачный цвет, в нем попадают трудно режущиеся лопатами скопления узких эластичных листьев (по терминологии рабочих „кочка“;) выше он приобретает большую плотность, содержит углистые пятна, скопления черепков, отдельные предметы из дерева, орудия из камня и осколки последнего. Как справедливо указал М. О. Клер эта зона культурных остатков лежит над сланью. Выше торф, оставаясь плотным, сохраняет буровато-охряную окраску и как правило бывает лишен посторонних включений; однако в работах минувшего года нужно отметить находку в верхней части слоя жерди с затесанным концом и мелких черепков нескольких сосудов чрезвычайно плохой сохранности и почти лишенных орнамента. Мощность слоя торфа от салки до вышележащего торфа с пнями—0,85—1,20 м. Этот последний слой отделяется от нижележащего нерезко, становясь более темным и плотным и напоминая в предельном случае по внешнему виду черноземную почву. В нижних его горизонтах обычно пни редки, хотя подчас и достигают значительной величины. Они почти всегда находятся в естественном положении; вместе с ними обнаруживаются крупные части лежащих стволов. Раскопки минувшего года позволили наблюдать интересный факт роста последующих генераций леса на остатках предыдущего: открывалось до пяти пней как бы сидящих один на другом, при чем верхние были обычно крупнее нижних. Мощность этого слоя колеблется от 0,50 до 1,1 м. Его верхние пни остатками стволов входят в следующий слой относительно рыхлого торфа буровато-охристых оттенков. Интересно отметить, что пни не пронизывают тонкие слои торфа, а как бы облекаются ими. Мощность верхнего торфа изменяется от 0,55 до 0,20 м., в нижней части он отличается более светлым цветом, кверху темнеет, и подчас незаметно переходит в «вскрышу»—поверхностный дерновый слой—торф метаморфизованный атмосферными агентами и растительным покровом. Подводя итог наблюдениям (сделанным на ограниченном пространстве), следует сказать: редкие остатки человеческой индустрии в салке и на ней позволяют думать, что если непосредственно на озере и не существовало поселка, то береговому населению озеро было доступно как летом (о чем свидетельствуют многочисленные находки обломков весел), так и зимой, на что указывает находка полоза. Зарастание озера повело к тому, что население завладело зыбкой болотистой поверхностью, покрытой осокой и кочками, прибегая к устройству «слани» в особенно ненадежных местах и воздвигая

осока
необ
интер
интер
интер

какие то сооружения на сваях. Используя наиболее удобные клочки поверхности для остановок, разведения костров и приготовления пищи (находки в угле мелких обломков пережженных птичьих костей), население с течением времени, если не покинуло совершенно торфяник, то значительно понизило свое внимание к нему, и в засушливый период болото перестало его привлекать почти совершенно; конечно, человек мог в это время отойти дальше от берегов к середине бывшего озера, где не переставало существовать интересовавшее его болото и, может быть, открытая водная поверхность. Не считая эпохи существования свайных сооружений, от которой дошли редкие пни, болото пережило один засушливый период, с длительно существовавшим лесом из ели, сосны, березы и кедра. Несоответствие количества пней числу лежащих стволов может объясняться не пожаром, а различными условиями, в которых находились пни и упавшие стволы, особенно в последовавший период увеличения количества атмосферных осадков, когда усилившееся поступление влаги с водосбора вновь повело к интенсивному развитию мохового покрова и росту торфа. Нельзя забывать, что основанием для заключений служат наблюдения, сделанные в одном пункте, на площади не более 400 кв. м. Развертывание раскопок на большей территории и хотя бы углубленные разведки в различных пунктах болота помогут получить более полные суждения об истории торфяника.

Так как остатки сооружений представляют мало данных для выяснения назначения постройки в целом,—необходимо первоначально дать обзор найденных предметов и затем уже выступать с истолкованием характера всего памятника.

Переходя к описанию найденных предметов необходимо подчеркнуть мало понятное отсутствие изделий из кости; только однажды было найдено перегоревшее трехгранное острие, да в кострищах встречались, как уже сказано выше, мелкие обломки кальцинированных птичьих трубчатых костей. Представление об отсутствии костяных орудий у древних жителей котловины является тем более неправдоподобным, что из Шигирского торфяника, лежащего в бассейне р. Нейвы и близкого по культуре Горбуновскому, костяные орудия прекрасной сохранности известны в тысячах экземпляров. Остается предположить, что условия для сохранения кости в Горбуновском торфянике были настолько не удовлетворительны, что костяные предметы разрушились в торфе без остатка.

Наиболее обычным материалом каменных орудий является зеленовато-серый кремьен и кремнистый сланец сероватых оттенков; реже употреблялся кварц и горный хрусталь.

Из 27 наконечников стрел 16 имеют форму треугольника с довольно широким вогнутым основанием и слабо выпуклыми симметричными режущими краями; выделаны они из тонких пластинок и работа может быть названа тщательной. Из остальных форм отличающихся меньшей шириной, следует отметить наконечник с частью сохранившегося черенка. Наконечников дротиков найдено 2 (формы лавр. листа). Орудия определяемые как скребки, найдены в числе 32-х; обычно это пластинка неправильной формы с ретушированным краем,—иногда круглящимся; однажды встречен массивный дисковидный скребок „высокой“ формы, и дважды дисковидный плоский скребок.

За все время работ удалось найти лишь три кремневых проколки и 6 грузил из талька.

Большой интерес представляет массивное рубящее орудие из сланцевой породы в виде призмы с ромбическим сечением; сохранность его неудовлетворительная. Также должен быть упомянут обломок сланцевого долота со следами шлифовки у лезвия. Кроме этого было найдено 10 обломков орудий, назначение которых определить невозможно. Во время раскопок 1926 года одним рабочим было доставлено каменное орудие типичное для Урала, но не получившее до сих пор объяснения. По контуру оно напоминает молоток лишенный сверлины с обушками в виде усеченных конусов; низ его плоско зашлифован, а сверху в наиболее широкой части находятся несколько поперечных борозд, имевших, видимо, служебное значение; к ним от концов обушков идут мелкие радиальные бороздки скорее всего декоративного характера. Несколько подобных орудий хранится в Свердловском музее из Шигирского торфяника.

Наиболее интересную часть находок составляют изделия из дерева, не только вследствие редкости этого материала в общей массе археологических памятников, но и по качеству работы и по характеру отдельных предметов. Количественно первое место занимают обломки весел; их обнаружено 20 экземпляров; отличаются они; тонкостью стержня и пера, имеющего удлиненно-овальную форму конец рукояток иногда слегка загибается; отделка весел в большинстве случаев тщательная. (рис 1-5). Далее следуют обломки луков открытые в числе 9; они представляют четырехгранные слегка скругленные пластинки с одной или двумя симметричными зарубками у концов; был найден маленький (детский) лук, сделанный как бы из обруча и обломок второго; кроме краевых зарубок он имеет и центральную. Затем следует упомянуть о серии предметов, условно определяемых как рукоятки для долбящих орудий, но может быть имевших и другое назначение; они представляют из себя пластинку, часть ствола не крупного дерева с отходящим под острым углом обрубок ветви; обычно нижняя часть пластинки имеет гладкую поверхность, но в одном случае она обработана в виде уступа, как бы для упора долбящего орудия; в другом случае на выпуклой спинке подобной пластинки заметна поперечная зарубка для перевязи, скрепляющей орудие и рукоятку.

В Тагильском музее среди случайных находок из Горбуновского торфяника имеется несколько каменных топоров в виде толстоватых клиньев снабженных по бокам двумя симметричными выемками; эти орудия могли быть прикреплены к рукояткам подобным только что описанным, но имеющим толстые ручки-ветви. Неясным представляется назначение цилиндрического стержня, слегка уплощенный конец которого снабжен двумя продольными желобками шириной 0,5 см. (рис. 6). Из остальной массы частей деревянных предметов, связанных с повседневным бытом, следует остановиться на одном, сохранность которого позволяет истолковать его назначение. (рис. 7). Он представляет из себя узкую полосу дерева 2,4 м. длины, суживающуюся к обоим концам, из которых один не сохранился; поверхность полосы с одной стороны слабо выпуклая и несет следы отделки небольшим желобчатым орудием, в другой стороны по продольной оси вырезан желоб, окаймленный дорожками, от которых крутые скосы идут на соединение с краями противоположной выпуклой стороны полосы. На дорожках по всей длине размещено 8 пар четырехугольных гнезд, а в промежутках между двумя соседними парами находится по 4 сквозных паза, вы-

Список рисунков

и статье Д. Эдинга „Горбуновский торфяник“.

А. Рисунки:

1.	Лопата весла.	Дерево.	Тагильский музей.	1/2	натуральной	величины.
2.	Часть лопатки весла.	"	"	1/3	"	"
3.	"	"	"	1/3	"	"
4.	Лопатка весла.	"	"	1/3	"	"
5.	Половина лопатки весла.	"	"	1/3	"	"
6.	Часть предмета неизв назн.	"	"	1/3	"	"
7.	Полос саней.	"	"	1/15	"	"
8.	Часть рукоятки весла	"	"	1/3	"	"
9.	Фрагмент сосуда.	Государств	исторический музей.	2/5	натуральной	величины.
10.	"	"	"	1/3	"	"
11.	"	"	"	1/3	"	"
12.	"	"	"	1/3	"	"
13.	"	"	"	1/3	"	"
14.	"	"	"	2/5	"	"
15.	"	"	"	1/3	"	"
16.	"	"	"	1/3	"	"
17.	"	"	Тагильский музей	1/1	"	"
18.	"	"	Государств исторический музей.	1/3	"	"
19.	"	"	"	1/3	"	"
20.	"	"	"	1/3	"	"
21.	"	"	"	1/3	"	"
22.	"	"	"	1/3	"	"
23.	"	"	"	1/3	"	"
24.	"	"	"	1/3	"	"
25.	"	"	"	1/3	"	"
26.	"	"	"	1/3	"	"
27.	"	"	"	1/3	"	"
28.	"	"	"	1/3	"	"
29.	"	"	"	1/3	"	"
30.	"	"	"	1/3	"	"
31.	"	"	"	1/3	"	"
32.	"	"	"	1/3	"	"
33.	"	"	"	1/3	"	"
34.	"	"	"	1/3	"	"
35.	"	"	"	1/3	"	"
36.	"	"	"	1/3	"	"
37.	"	"	"	1/3	"	"
38.	"	"	"	2/5	"	"
39.	"	"	"	2/5	"	"
40.	"	"	"	2/5	"	"
41.	"	"	"	2/5	"	"
42.	"	"	"	1/3	"	"
43.	"	"	Тагильский музей	1/3	"	"
44.	"	"	Государств исторический музей.	2/5	"	"
45.	"	"	"	2/5	"	"
46.	"	"	"	2/5	"	"
47.	"	"	"	1/3	"	"
48.	"	"	"	1/3	"	"
49.	"	"	"	2/5	"	"
50.	"	"	"	2/5	"	"
51.	"	"	"	2/5	"	"
52.	"	"	"	2/5	"	"

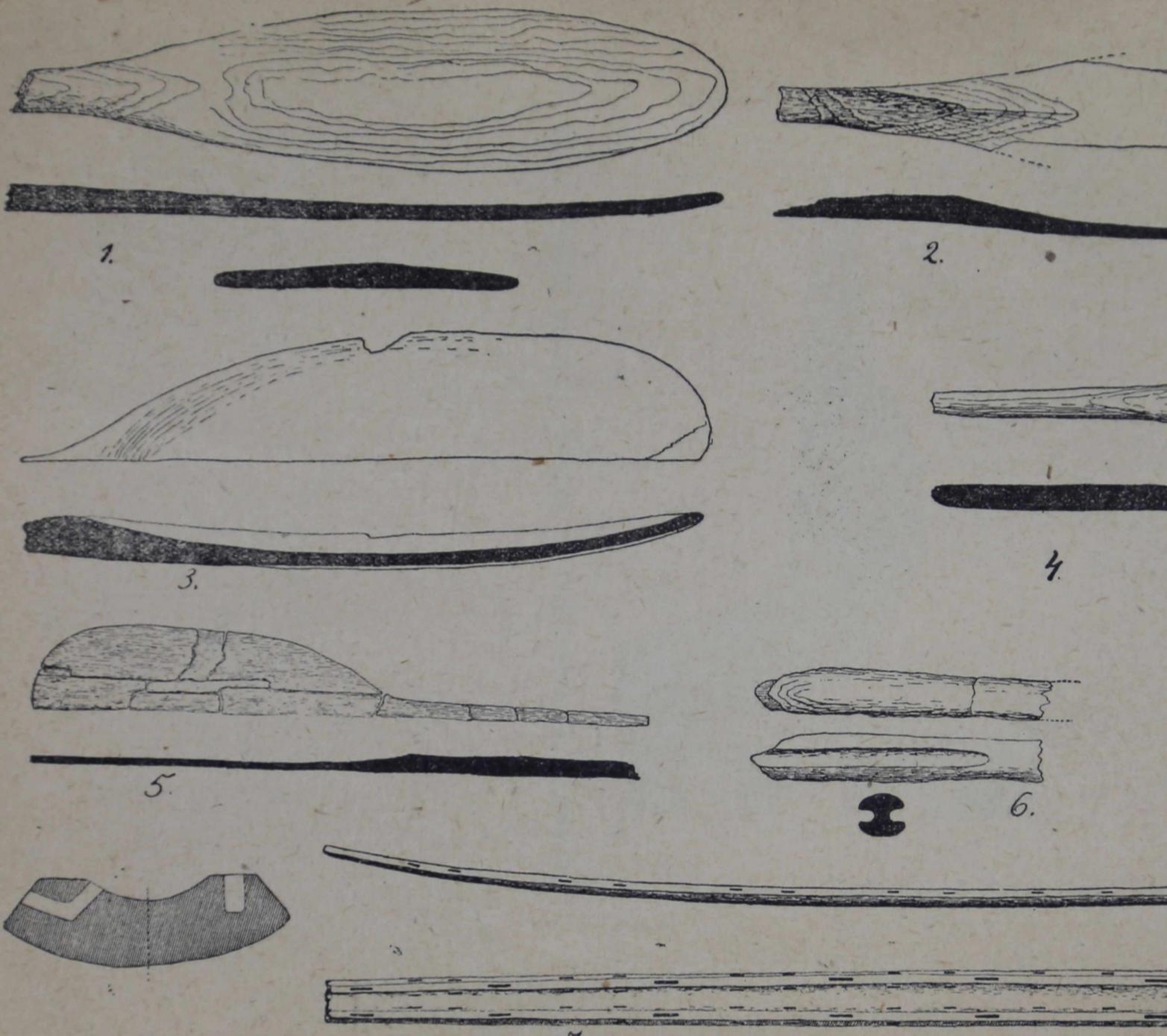
Б. Фотографии:

8.	Голова утки.	Дерево.	Тагильский музей.	4/5	натуральной	величины.
9.	Самка лося.	"	"	4/5	"	"
18.	Круглый фрагмент глин. сосуда.	"	"	1/2	"	"

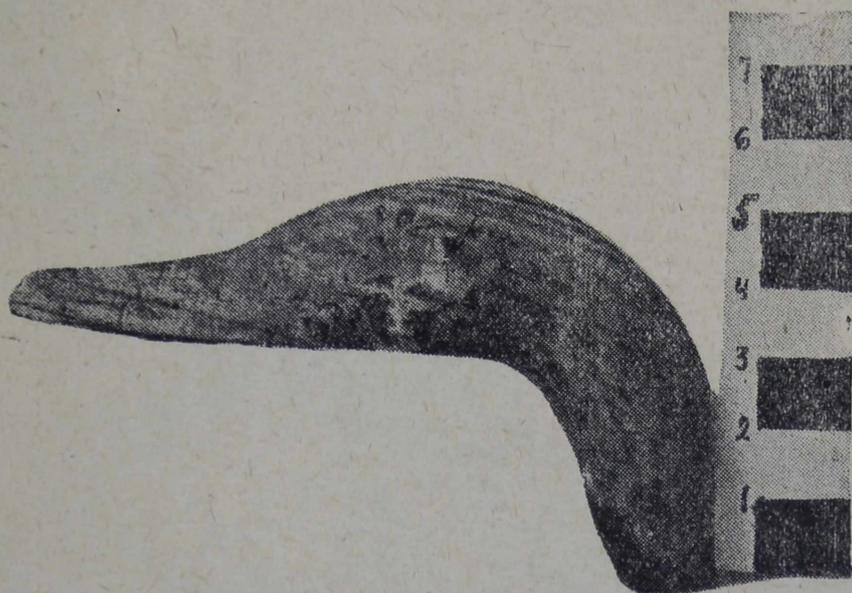
ОГЛАВЛЕНИЕ

Вып. III, полутом 1.

	Стр.
Д. ЭДИНГ. Горбуновский торфяник. Предварительный очерк археологических работ 1926—28 г.г.	3.
С. ГЛИНКА. Воспоминания о В. Ф. Сапальском	28.
А. КОЖЕВНИКОВ. Кредитные марки Баранчи	34.
Т. БОТАШЕВА. 5 лет работы Тагильского Музея	35.
КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ	40.
Ю. КОЛОСОВ. Заметка о медянице гладкой	43.
Е Г О Ж Е. Материалы к изучению осок Среднего Урала. Серия 1-я	44.
СПИСОК РИСУНКОВ к статье Д. Эдинга „Горбуновский торфяник“	49.
ОГЛАВЛЕНИЕ	50.

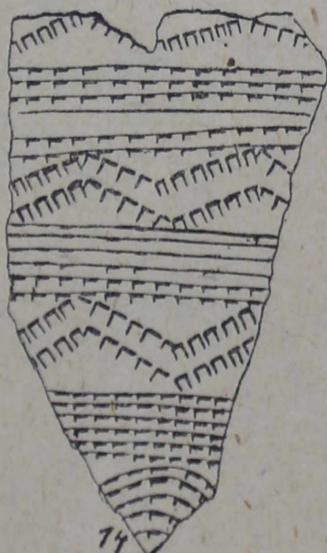
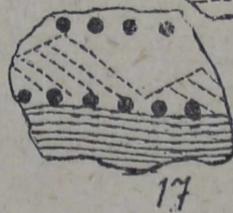
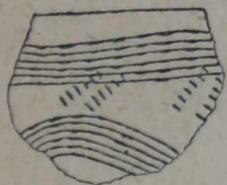
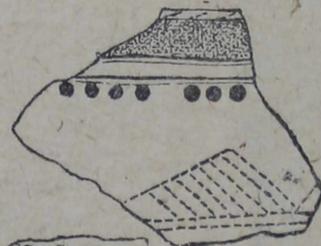
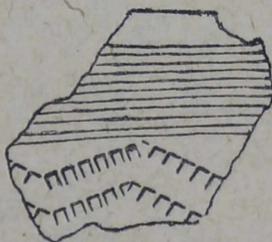
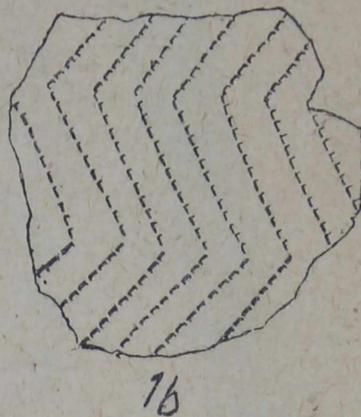
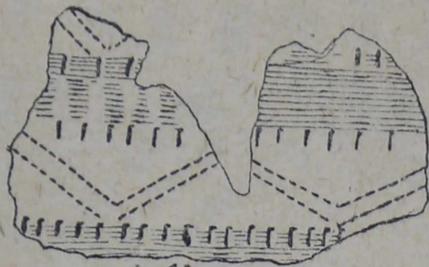
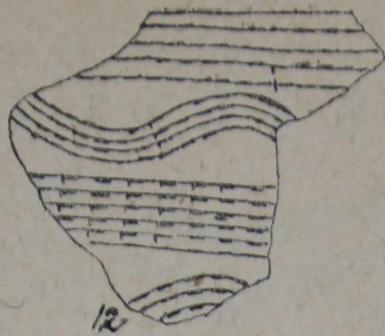
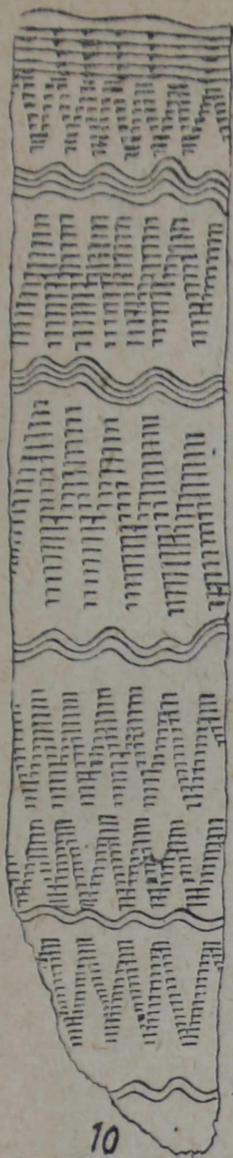
№ 1. Деревянные изделия с Горбуновского торфяника

№ 2. Утиная головка. Дерево. С Горбуновского торфяника.

№ 3. Самка лося. Дерево. Горбуновский торфяник.

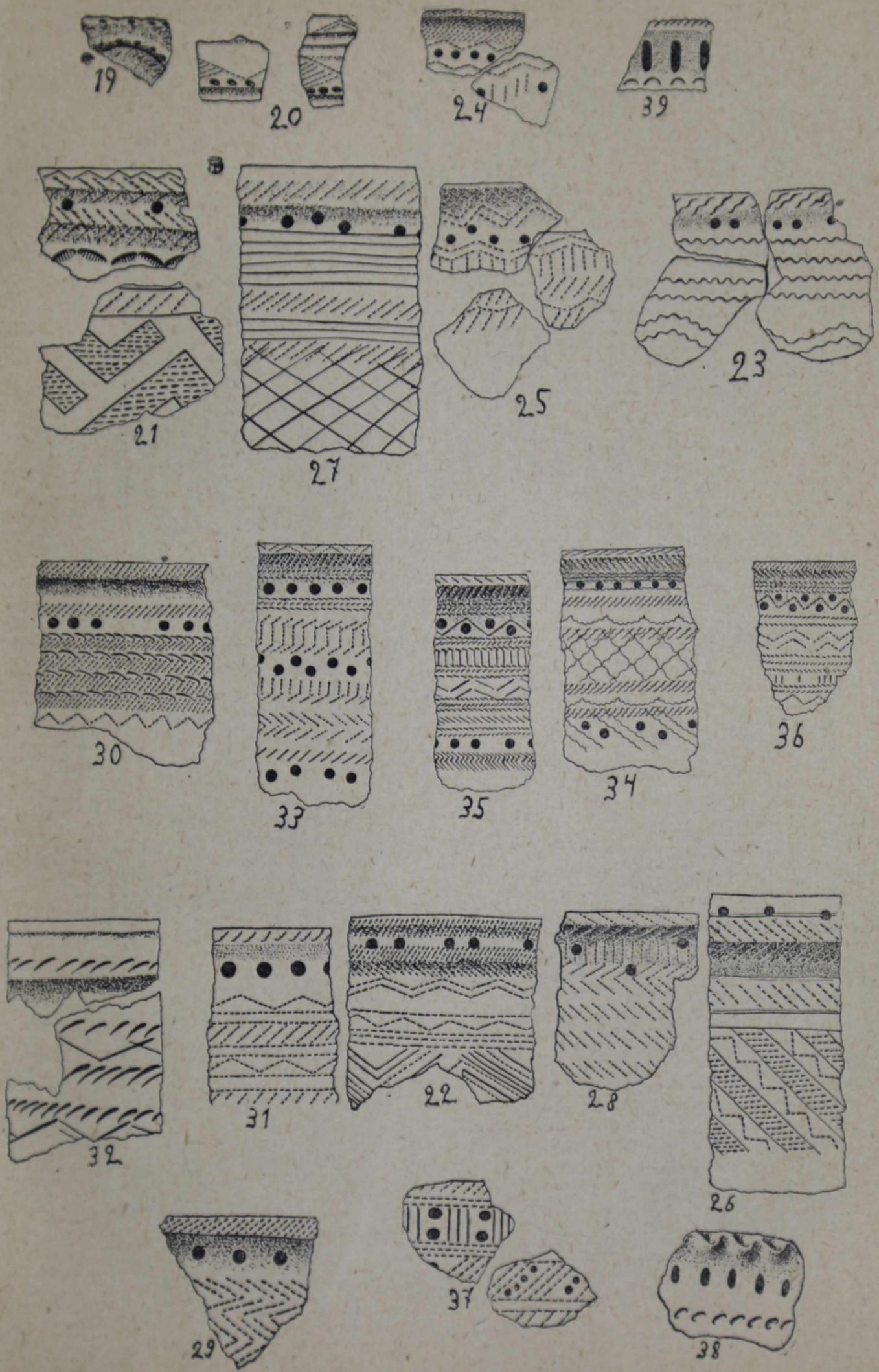

№ 4. Керамика с Горбуновского торфяника.

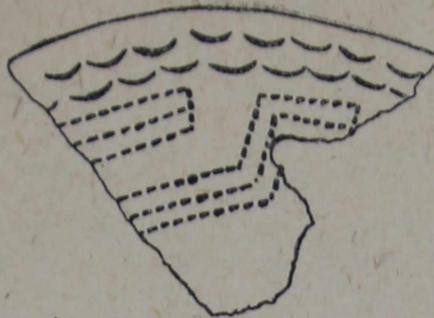
№ 6. Часть глиняного сосуда с Горбуновского торфяника.

№ 7. Керамика с Горбуновского торфяника.

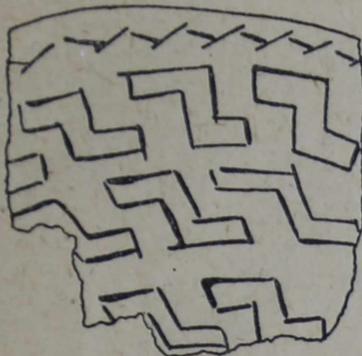
40

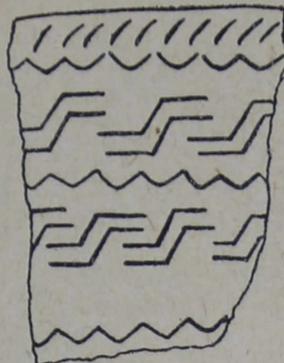
41

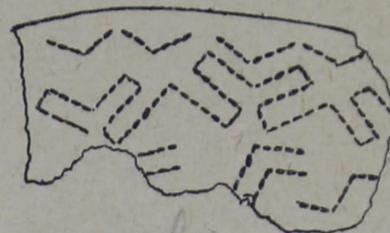
42

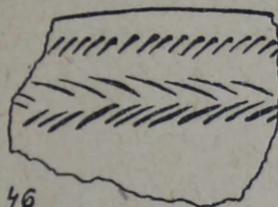
43

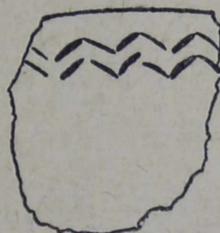
44

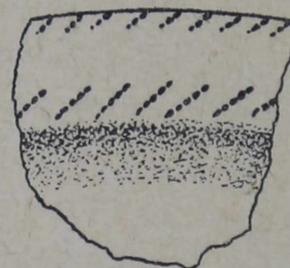
45

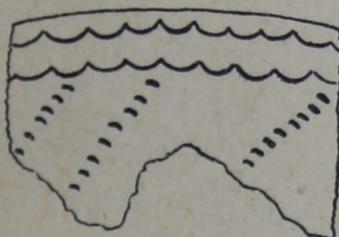
46

47

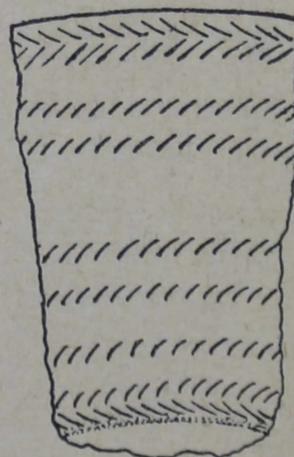
48

49

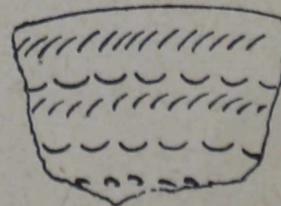
50

51

52

53

№ 8. Керамика с Горбуновского торфяника.

ЦЕНА 75 КОП.